

Пракаш Лунгани представляет Дэни Родрика, профессора Гарвардского университета, чьи предупреждения о негативных сторонах глобализации оказались прозорливыми

Бунтарь с идеалами

ТРИУМФ рынков над государством представлялся почти завершенным в начале 1990-х годов. Распад СССР и падение Берлинской стены дискредитировали роль государства в командном управлении экономической и политической жизнью граждан. Политолог Фрэнк Фукуяма заявил в 1992 году, что распространение демократии и капитализма по планете сделает отныне историю несколько «скучной». Среди экономистов рынки, которые уже пользовались достаточно высоким уважением, стали еще более почтенными. Видные экономисты, имевшие левую политическую ориентацию, такие как Лэрри Саммерс, признали «сдержанное восхищение» такими сторонниками распространения по миру свободных рынков, как Милтон Фридман.

Но экономист Дэни Родрик из Гарвардского университета не захотел присоединиться к общему хору голосов. Вместо этого он предостерег, что глобализация — процесс экономической интеграции государств через торговлю и финансы — возможно, зашла слишком далеко. В монографии 1997 года он писал о существовании «огромного разрыва» между оптимистичным взглядом экономистов на глобализа-

цию и «внутренним чувством многих обычных людей», которые ей сопротивлялись. В Соединенных Штатах, отметил он, «видный республиканец» Пэт Бьюкенен только что завершил «активную кампанию на выборах в президенты на основе экономического национализма, пообещав возвести торговые барьеры и более жесткие ограничения на иммиграцию» (двумя десятилетиями позже эти темы выдвинул республиканец Дональд Трамп в своей кампании за назначение кандидатом на президентских выборах в 2016 году).

Предупреждения Родрика о том, что преимущества свободной торговли были более очевидны экономистам, чем другим людям, были прозорливыми. Его скепсис относительно выгод от беспрепятственных потоков капитала через национальные границы сейчас считается традиционным взглядом. Его успешная критика так называемого Вашингтонского консенсуса о мерах политики для обеспечения экономического роста заставила правительства и такие международные организации, как МВФ и Всемирный банк признать наличие множества рецептов политики, которые могут обеспечить рост. То обстоятельство, что фраза «универсального подхода не существует»

стала клише, в немалой степени объясняется влиянием работы Родрика. «Мы не понимали, насколько он был прав», — говорит Дэвид Уэссел, бывший автор статей по экономике *Wall Street Journal*, который сейчас работает в Центре Хатчинса Брукингского института.

В башне, увитой плющом

Родрик провел большую часть своей профессиональной жизни в учебных заведениях «Лиги плюща». Он имеет степень бакалавра от Гарвардского университета и степени магистра и доктора наук от Принстонского университета, за ними последовала карьера преподавателя в Гарвардском и Колумбийском университетах.

Он смог приехать из своей родной страны, Турции, в Гарвардский университет благодаря успеху своего отца как бизнесмена. Турция, подобно многим странам в 1970-е годы, проводила политику импортозамещения: применяла пошлины, чтобы защититься от импорта, и замещала его продукцией отечественного производства. Будучи защищенной этими тарифами, компания его отца по производству шариковых ручек была достаточно успешной, чтобы Родрик мог думать об учебе в США. «Я — продукт импортозамещения», — говорит Родрик.

В заявлении о приеме в Гарвардский университет он написал, что хотел бы получить специальность в области электротехники, не зная о том, что вуз такой специальности не предлагал. Тем не менее, его приняли в Университет, так как один член приемной комиссии «замечил проблески надежды» в его заявлении и добился своего «несмотря на серьезные возражения других членов комиссии».

Вскоре после поступления в Гарвардский университет в 1975 году он решил выбрать политологию в качестве основной специальности, а в качестве второй специальности выбрал экономику из-за «настояний отца». Его отец, говорит он, «все еще питал надежды, что я пойду в бизнес-школу и займусь в жизни чем-то полезным». На последнем курсе в Гарвардском университете, все еще «испытывая смятение относительно своих профессиональных устремлений», он подал заявления на шесть различных программ для аспирантов — некоторые в сфере экономики и бизнеса, другие в области политологии и международных отношений. Он выбрал магистратуру по государственной политике в Школе имени Вудро Вильсона Принстонского университета и «прекрасно провел там время», но понял, что он «просто отложил принятие решения» о том, заниматься ли ему экономикой или политологией.

Он хорошо помнит, что «перевесило чашу весов». Однажды в библиотеке он взял экземпляры основных публикаций по этим двум дисциплинам, *American Political Science Review* и *American Economic Review*. Первое издание было «написано нормальным языком, второе было совсем непонятным» — иными словами, оно было нашпиговано математическими уравнениями, которые так любят экономисты. Он говорит, что понял, что «если бы делал докторскую по экономике, то я бы смог прочитать оба журнала, но если бы делал докторскую по политологии, то с экономикой пришлось бы распрощаться. И тогда наступило прозрение».

Его приняли на кафедру экономики в Принстонском университете в 1982 году, через год после его первоначального заявления, «больше из сострадания, чем уверенности в правоте», — писал он. Один из преподавателей Принстонского университета, Питер Кенен, «нес единоличную ответственность за мой прием». Некоторые члены приемной комиссии имели сомнения относительно математической квалификации Родрика, но Кенен, с которым Родрик вместе изучал математику в качестве студента магистратуры, убедил их дать ему такой шанс.

В Принстонском университете он написал диссертацию под руководством известного экономиста Авинаша Диксита (см. статью «Игры и забавы» в декабрьском выпуске *Ф&P*

2010 года). «Никогда не видел людей с более ясным мышлением, чем он», — говорит Родрик. «Не было ни одной написанной мной работы, про которую я бы не подумал: «А что Диксит считает по этому поводу?»».

Первым местом работы Родрика стал Гарвардский институт государственного управления им. Дж. Ф. Кеннеди в 1985 году. За исключением периодов работы в Колумбийском университете с 1992 по 1996 год и позднее, в Институте перспективных исследований в Принстоне, Нью-Джерси, он трудился в Гарвардском университете на протяжении последних трех десятилетий. Не покидая пределов этой башни из слоновой кости, Родрик пишет критические материалы, которые изменили взгляды этой профессии и сделали его известным.

Критика торговли

Наличие выгод от свободной торговли является одним из основных убеждений экономистов. Теория торговли демонстрирует, что если страны специализируются на выпуске некоторой продукции, а затем обмениваются частью этой продукции через импорт и экспорт, то в итоге они становятся богаче, чем если бы каждая страна производила все самостоятельно. Но есть одна загвоздка. Когда США принимают решение специализироваться на производстве голливудских фильмов, а не текстиля, то текстильщики оказываются в проигрыше. Не нужно беспокоиться, отвечают сторонники теории торговли, наш анализ показывает, что выгоды для голливудских продюсеров будут достаточными, чтобы компенсировать потери текстильщиков.

На практике, однако, проигравшие редко получают часть выгод выигравших (на экономическом языке — перераспределение). Родрик утверждает, что «по сей день среди экономистов есть тенденция преувеличивать» преимущества торговли, отдавая на словах дань необходимости перераспределения. Но теория торговли показывает, что чем «больше чистые выгоды, тем масштабнее [необходимое] перераспределение. Было бы бессмысленно утверждать, что выгоды велики, а объем перераспределения небольшой».

В своей монографии 1997 года «Не слишком ли далеко зашла глобализация?» Родрик указал на отсутствие серьезных мер по перераспределению как на одну из причин противоположных мнений относительно торговли у экономистов и неспециалистов.

Он также обрисовал нескольких других противоречий, создаваемых торговлей. Родрик отмечал, что торговля «обнажает глубокую «линию разрыва» между группами, у которых есть квалификация и способности, чтобы процветать на мировых рынках», и теми, кто этими качествами не обладает. Без подготовки или получения образования последняя группа будет противодействовать свободной торговле, что вполне понятно. Родрик также подчеркивал, что торговля «коренным образом преобразует трудовые отношения. Если одних работников могут с большей легкостью заменять другие за пределами национальных границ, «им придется испытывать большую нестабильность заработков, [а] их позиции на переговорах становятся более слабыми». Торговля также может «подрывать нормы, неявно закрепленные» в сфере внутреннего производства, например, если работников в США заменяет детский труд у иностранного производителя.

Родрик пришел к выводу, что общие последствия таких противоречий в конечном итоге могут привести к «закреплению нового комплекса классовых различий между теми, кто выигрывает от торговли, и теми, кто оказывается в проигрыше».

Эта монография была опубликована Институтом международной экономики, сейчас именуемым Институтом Петерсона, и стала одним из бестселлеров этого аналитического центра. Директор-учредитель Института Фред Бергстен (см. статью «Американский глобалист» в номере *Ф&P* за март 2012 года), говорит, что он предложил заголовок работы «вместо длинного

и технического, который был у Дэни». Но Бергстен не только предложил заголовок. Он также убедил консультативный совет в том, что монография заслуживала публикации; несколько членов совета выступали против того, чтобы имя Института вызывалось с критикой свободной торговли.

Родрик отмечает, что заслуга Бергстена состоит в том, что он поддержал идеи Родрика, когда многие другие отнеслись к ним с настороженностью. Но он также говорит о заслуге маловероятного сторонника — МВФ. «Длительное время я удивлялся поддержке, которую я получал от МВФ», где он написал часть монографии, будучи приглашенным исследователем в 1995–1996 годах. Фонд «не напоминал место, где бы, по вашему мнению, обязательно должны были возникнуть идеи, изложенные в этой книге».

Контроль за операциями с капиталом

На своих Ежегодных совещаниях в октябре 1997 года в САР Гонконг МВФ представил свои доводы, почему странам не только следовало *уменьшить ограничения на торговлю, но и принимать меры по смягчению ограничений на движение капитала между странами*. Экономисты именуют первое либерализацией текущих операций (или конвертируемостью), а последнее — либерализацией операций с капиталом или финансовой глобализацией. МВФ предложил своим государствам-членам внести поправку в устав организации, с тем чтобы наделить Фонд полномочиями для мониторинга движения к конвертируемости по операциям с капиталом.

В то время ряд стран Азии были охвачены финансовым кризисом, который многие объясняли решением об открытии экономики для потоков иностранного капитала. Хотя это сделало сроки просьбы МВФ не совсем уместными, занимавший тогда должность первого заместителя директора-распорядителя Стэнли Фишер бодро продолжал настаивать. Он назвал либерализацию операций с капиталом «неминуемым шагом на пути развития, которого невозможно избежать и который поэтому следует приветствовать». Фишер отмечал, что либерализация обеспечивает то, что «резиденты и правительства могут брать и выдавать займы на выгодных условиях, а национальные финансовые рынки становятся более эффективными в результате внедрения передовых финансовых технологий, что ведет к улучшению распределения как сбережений, так и инвестиций».

Наряду с Джагдишем Бхагвати, сторонником свободной торговли, и лауреатом Нобелевской премии Джозефом Стиглицем, Родрик выступал против финансовой глобализации. Он утверждал, что упомянутые Фишером преимущества меркнут по сравнению с рисками возросшей волатильности из-за притока и оттока иностранного капитала. «Циклы подъемов и спадов вряд ли являются второстепенным событием или небольшим изъяном в истории международных потоков капитала; они являются главным сюжетом», — отмечал он.

Родрик также скептически относился к любым преимуществам притока долгосрочного капитала в страны, где в нем больше всего нуждались. Он возражал против требования МВФ о том, что операции с капиталом могут быть либерализованы «упорядоченным образом и поддержаны благодаря усилению пруденциального регулирования финансовой практики», что, как он отмечал, «чаще происходит в учебниках, чем в реальном мире. Он подытожил, что «закрепление конвертируемости по операциям с капиталом в Статьях соглашения МВФ представляет собой идею, время которой еще не пришло. У нас нет никаких доказательств, что это решит какие-то из наших проблем, и есть некоторые основания считать, что это, возможно, их усугубит».

Действительно, два десятилетия спустя время для либерализации операций с капиталом так и не пришло. Накоплены данные о том, что ее преимущества установить трудно, тогда как

издержки являются неопровержимыми. В 2006 году в важном исследовании, соавтором которого был Кеннет Рогофф, занимавший тогда пост главного экономиста Фонда, практически не было найдено доказательств улучшения экономических

Время для либерализации операций с капиталом так и не пришло два десятилетия спустя.

результатов после того, как страна открывает экономику для потоков капитала. В другом исследовании был сделан вывод о том, что иностранный капитал ведет к усилению волатильности в развивающихся странах. Рагурам Раджан, сменивший Рогоффа на посту главного экономиста, доказал, что страны, испытывавшие быстрый рост, в меньшей, а не в большей степени полагались на иностранный капитал. В 2009 году Родрик сам писал в «Научных докладах персонала МВФ» (*IMF Staff Papers*), научном журнале, публикуемом Фондом, что «больше» не всегда означает «лучше», когда речь идет о потоках иностранного капитала; «в зависимости от условий и страны, соответствующая роль столь же часто заключается в том, чтобы сдерживать рост притока частного капитала, как и в том, чтобы его поощрять» (см. вставку 1).

Разрушение консенсуса

В 1989 году Джон Уильямсон из Института международной экономики составил список из 10 мер политики, которые, как он считал, отражают в сжатой форме консенсус среди основных международных организаций относительно того, что странам необходимо делать, чтобы обеспечить рост экономики. Термин

Вставка 1

Международная система финансового регулирования: меньше вмешательства даст больше результатов

Последний глобальный финансовый кризис выдвинул на первый план результаты воздействия международных потоков капитала и породил призывы к созданию более совершенной системы мирового финансового регулирования. Как и следовало ожидать, Дэни Родрик был единственным, кто выступил против этого, указав, что «мировое финансовое регулирование не является ни осуществимым, ни осмыслительным, ни желательным» (*The Economist*, 12 марта 2009 года). Он утверждает, что целесообразные формы финансового регулирования различаются между странами и отчасти зависят от того, насколько страны ценят финансовую стабильность в сравнении с финансовыми инновациями. Ответственность за регулирование леввериджа, установление минимальных норм капитала и надзор за финансовыми рынками должна «возлагаться непосредственно на национальные органы». Глобальные финансовые фирмы должны соблюдать эти национальные требования, точно так же, как глобальные промышленные фирмы соблюдают нормы безопасности продукции, которые в разных странах являются различными. «Мировая экономика будет намного более стабильной и процветающей, имея тонкий слой международного сотрудничества, наложенный на прочные национальные нормы, чем при попытках построить мощную глобальную систему регулирования и надзора».

«Вашингтонский консенсус» (иногда также именуемый «неолиберальной программой») стал представлять общую ориентацию на рыночные методы создания условий для роста.

Родрик утверждает: «когда я впервые стал критиковать Вашингтонский консенсус, я считал, что высказываю очевидные мысли». В ряде работ и книг, написанных в 1990-х и 2000-х годах, он выдвинул три аргумента против консенсуса. Во-первых, рост часто происходит в результате «эклетиических решений», в которых сочетаются роли рынка и государства. Во-вторых, толчком к росту часто бывает одно или несколько изменений, для этого не требовался «длинный контрольный список» реформ. В-третьих, к росту вело много различных путей, а не какая-то специфическая совокупность институтов и реформ.

Родрик привел множество примеров успешных отраслей во многих странах, которые использовали сочетание рынка и государственной поддержки. «Коста-Рика не является естественной площадкой для производства полупроводников», — отмечал он, но правительство «смогло привлечь фирму Intel, которая наладила такое производство». Он утверждал, что ретроспективные данные не дают оснований для заявлений о том, что правительства не могут выбирать «победителей»: «когда экономисты говорят [это], они в действительности в большинстве случаев на любительском уровне занимаются политологией». Он говорил, что гораздо важнее «разработать институты, которые ... дают правительству возможность избавиться от проигравших».

Опираясь на детальные исследования опыта конкретных стран, проведенные другими учеными, Родрик также привел примеры того, «как мало странам нужно, чтобы внезапно запустить период быстрого роста». На Маврикии это было создание зоны экспортной обработки; в Китае это было введение системы ответственности домашних хозяйств и двухуровневый режим цен; в Индии это было изменение отношения государства: от крайней враждебности к поддержке предпринимательства. Поэтому переход к более высоким темпам роста не требовал длинного контрольного перечня мер политики. Страны могут ускорить рост, выявив «ограничения, сдерживающие рост», и преодолев их благодаря «хорошо спланированному, но относительно небольшому вмешательству» (см. вставку 2).

Исследования на примере стран также показали, что, согласно Родрику, «между изменениями политики [приведшими к ускорению роста] было очень мало общего». Это указывает на наличие самых разных способов обеспечить рост. Кроме того, ознакомление с опытом стран, которые уже являются богатыми, — многих стран Европы, Японии и США, — продемонстрировало, что «можно стать богатыми» несмотря на различия в институциональной системе и мерах политики. Страны, которые разбогатели в последнее время, в основном страны в Восточной Азии, «шли своим путем и вряд ли служат образцами неолиберализма». Страны Восточной Азии были бы в значительно худшей ситуации, если бы они испытали что-то вроде Вашингтонского консенсуса. Китай был бы в худшем положении, если бы у него не было иного выбора, кроме как начать процесс роста за счет займа на цели структурных преобразований от Всемирного банка.

«Сегодня Вашингтонский консенсус по существу умер, — говорит Родрик, — его заменил намного более скромный подход, который признает, что нам нужно намного меньше консенсуса и намного больше экспериментов».

Революция завершена

Андрей Шейфер, один из коллег Родрика в Гарвардском университете, часто приветствовал его в коридорах вопросом: «Как идет революция»? У многих, возможно, были сомнения относительно ответа на этот вопрос, когда Родрик начал свою карьеру в Гарварде в 1985 году, три десятилетия спустя очевидно, что революция прошла успешно.

Вставка 2

Постановка правильного диагноза

Совместно с экономистами Рикардо Хаусманом и Андресом Веласко Дэни Родрик предложил основу, именуемую «Диагностика проблем роста», для содействия странам в определении того, какие реформы надо проводить для ускорения роста. Как отмечали три автора в статье *Ф&Р* в мартовском выпуске 2006 года, странам следует определить небольшое число ограничений, сдерживающих рост, и сосредоточиться на их преодолении, вместо того чтобы работать над «подробным перечнем необходимых реформ». Применив свой метод в Сальвадоре, они пришли к выводу, что ограничением, сдерживающим рост, был не дефицит сбережений, а «недостаток идей»: традиционные отрасли страны (такие как производство хлопка, кофе и сахара) сократились, но новых идей относительно других потенциальных секторов для инвестирования не возникло. Они рекомендовали, чтобы «в центре стратегии развития [Сальвадора] было содействие предпринимательству и новым деловым возможностям». Основа «Диагностика проблем роста» применялась Всемирным банком и МВФ в качестве дополнения для разработки стратегий роста. Например, когда персонал МВФ использовал ее для Туниса в 2016 году, эта основа позволила предположить, что жестким ограничением был «недостаточный доступ к финансированию», а не узкие места в инфраструктуре или недостаток человеческого капитала.

Его предостережения относительно негативных сторон торговли и связанной с ней возможности создания классовых различий стали общепринятыми. Профессор Гарвардского университета и бывший министр финансов США Лэрри Саммерс написал в газете *Financial Times* в апреле 2016 года, что «в основе протеста против глобальной интеграции ... лежит не невежество. В определенном смысле, отчасти оправдано заявление о том, что это проект, осуществляемый элитами для элит без особого учета интересов обычных людей».

Осторожность Родрика относительно финансовой глобализации сейчас многие разделяют, в том числе в МВФ. Заместитель директора департамента Джонатан Остри, который возглавлял недавнее исследование Фонда о потоках капитала, говорит: «Тот факт, что Дани и МВФ сейчас могут конструктивно обсуждать разработку мер контроля за операциями с капиталом, свидетельствует как о настойчивости Дани, так и о гибкости Фонда».

Критика Вашингтонского консенсуса привела к тому, что рекомендации, которые международные организации дают странам относительно стратегий роста, стали более сдержанными. Родрик отметил, что в работе МВФ 2013 года о стратегиях роста есть «призыв к контекстуальному анализу и рецептам, который, по крайней мере, для моих ушей звучит очень приятно».

Сам Родрик, по-видимому, еще сильнее полюбил профессию, которую он часто критиковал. После двух лет в Институте перспективных исследований, где его коллеги представляли различные общественные науки, он решил вернуться на свою прежнюю стезю. Его новая книга «Экономика решает», которая была выдвинута *Financial Times* на премию за лучшую книгу, рассказывает неэкономистам о том, что «в экономической науке есть много того, что достойно критики, но и очень много ценного». ■

Пракаш Лунгани — начальник отдела в Исследовательском департаменте МВФ.